

18+

Елена Королевская

Две капли голубой крови!

Или я ничего не должна тебе, мама

Елена Королевская

**Две капли голубой крови! Или
я ничего не должна тебе, мама**

«Издательские решения»

Королевская Е.

Две капли голубой крови! Или я ничего не должна тебе, мама /
Е. Королевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850532-4

История-исповедь в ситуациях. О непростых отношениях матери и дочери. Книга жесткая, она встряхнет, как продуктивный сеанс у психотерапевта. Читателю обеспечен тонкий баланс эмоций: от гнева до принятия, от негодования до искреннего желания понять. Надо ли учиться любить или это чувство безусловно для детей и родителей? Имеем ли мы право чего-то хотеть от близкого человека в режиме требования? Что правильнее — простить или вычеркнуть из жизни? Каждый сделает вывод сам.

ISBN 978-5-44-850532-4

© Королевская Е.
© Издательские решения

Содержание

ПИСЬМО НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ	6
ЗВОНОК	8
СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	10
АЛЕНКА НА ШОКОЛАДКЕ	12
Я – МАЛЕНЬКАЯ ВЗРОСЛАЯ	14
БАБУШКА (И ДЕДУШКА)	17
МЛАДШАЯ СЕСТРА – МОЙ ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК	19
ОТЕЦ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Две капли голубой крови! Или я ничего не должна тебе, мама

Елена Королевская

© Елена Королевская, 2019

ISBN 978-5-4485-0532-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПИСЬМО НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ

В час мы встретились перед маминым подъездом, как всегда расцеловались и пошли внутрь. Квартира находилась на седьмом этаже. Поднявшись на старом дребезжащем лифте, мы подошли к двери. Вдохнули, выдохнули, собрались с силами, и сестра позвонила. Ничего. Сестра позвонила еще несколько раз. На всякий случай мы еще подождали, но ответом нам стала полная тишина. Сестра достала ключи, и мы вошли.

– Мааам, ты дома? Мааам! – звали мы, оглядывая комнаты в некотором волнении.

В квартире никого. Мы вошли на шестиметровую кухню, на холодильнике я увидела книгу, сейчас не помню автора, но точно помню, что книга была о еврейском всемирном заговоре. В восприятии нашей мамы во всех бедах мира (войнах, революциях...) виноваты именно евреи и жидомасоны, как она их называет. Она всем и всегда рассказывала об этом с упоением, блестя глазами, приводя выдержки из книг, сомнения и выводы авторов, с фамилиями и датами. И если она начинала свой рассказ, то уже через несколько минут вокруг «обрабатываемого» появлялись стопки различных книг по этой тематике. В книгах лежали закладки, и все поля книг были исписаны мелким маминым почерком с заметками и ссылками. Для нашей мамы не существовало хуже и страшнее народа, чем евреи. Поэтому в самом факте нахождения книги подобной тематики у нее дома ничего удивительного мы не видели. Но то, что книга без дополнительной обертки лежит на кухне, где, не дай бог, ее возьмут жирными руками или положат на плохо вымытый стол, сразу привлекло мое внимание. Мама рассчитала верно.

– Странно, – я взяла книгу.

– Чего-странного-то? – переспросила сестра.

– Да мама так дорожит своими книгами, что никогда их не оставляет не на месте, – я вижу лежащий в книге конверт.

Он не запечатан. Письмо адресовано нам. На конверте цитата из Библии, видимо, через нее нам сообщалось что-то особенно важное, но мы так и не поняли, что именно, и под цитатой указано, что мама отбыла на пять дней в Египет. Наши лица вытянулись.

– Уехала в Египет? Молча?.. Вот идиотка! – взорвалась сестра. – А мы должны тут черт чего думать! Денег у нее, значит, нет, а на Египет есть! – продолжила она свою гневную тираду.

Дело в том, что мама с сорока с хвостиком работала непостоянно, вступая в конфликты на каждом рабочем месте, и мы с сестрой чем могли поддерживали ее.

Я поддакивала словам сестры и раскрывала конверт. Ничего особого не ожидая, кроме как очередной «лекции», что мы ее обидели так-то и так-то. Мы начали читать письмо. Но в письме говорилось совсем о другом. Мама написала его таким же, что и пометки в книге, мелким маминым почерком на двух тетрадных листах с обеих сторон. И в нем мы – ее дети назывались, самое скромное, еврейскими «УБЛЮДКАМИ», и приводилось что-то вроде генеалогического исследования рода нашего отца до прадедушек. В обоснование сделанных ею выводов приводились ссылки и цитаты из источников разной исторической и научной ценности. Письмо походило на выдержку из научного труда, который доказывал, что все наши с сестрой родственники по женской линии отца евреи, а раз это так, то мама делала вывод автоматически, ПОРОЧНЫМИ людьми. Каждому члену семьи отца приписывался свой особенный грех. В их компании встречались воры, извращенцы, наркоманы, алкоголики и прочая нечисть. Мы с сестрой отмечались особо, так как мы – полукровки (еврейки по отцу – по мнению мамы), и, следовательно, особо гадкие и убогие, с гнилой «голубой» кровью, которая в полной мере еще непременно себя покажет.

Мы стояли ошарашенные. За что столько ненависти к собственным детям? Мы – еврейки? Мысли путались в голове, мы перечитали письмо еще раз. Лучше не стало. Все пра-

вильно: мы – «еврейские ублюдки». Мы никак не могли понять, почему мы, ее дочери, две взрослые молодые женщины, сами матери, работающие, не наркоманки и не другие антисоциальные элементы, самостоятельно пробивающие себе дорогу в жизнь – трудом и терпением, чью помощь она принимает, не поморщившись (!), заслужили к себе подобное отношение? В первую минуту после шока пришла мысль о психушке.

Но, мы видели, что мама адекватно ведет себя во всех остальных вопросах, значит она нормальная!

И, честно говоря, письмо показалось настолько грязным, с такими извращенными подробностями якобы кровосмешений в семье отца, которые по выводам мамы и привели к «порче крови», что показалось стыдным его вообще кому бы то ни было показывать. Да мы и не знали, как и куда в столь необычной ситуации можно обратиться. Мы договорились подождать, пока мама вернется, и попробовать поговорить с ней об этом. Мы откровенно испугались за маму.

Страшно представить, сколько времени потрачено на эти изыскания! Это же не спонтанное письмо, в котором вас в сердцах обзывают бранными словами, это целый научный труд, обильно насыщенный ссылками и сносками, стрелочками: «книга такая-то», «страница такая-то». Маме для его написания, пришлось проследить семейные связи, подобрать авторитетные основания и выводы. Как такое возможно написать и ставить в вину своим собственным детям? Допустим мы и еврейки, возможно, что в том письме есть какая-то доля правды о недостатках наших родственников, но в чем виноваты мы? Потом, через годы, мама как-то скажет вскользь, что, когда писала это письмо, она просто хотела объяснить нам, почему мы так плохи, открыть глаза на причины нашей душевной болезни, вскрыть нарыв. То есть этим письмом она планировала нас спасти на краю пропасти, куда мы с сестрой должны непременно свалиться. Потом будут еще письма.

ЗВОНОК

Мне недавно исполнилось двадцать шесть. За окном солнечное осеннее утро. Воскресенье. Я дома одна. Дочка, как обычно на выходных, пошла к своему отцу, он забрал ее еще накануне совсем рано утром. Как же здорово, никуда не спеша, просто поваляться на диване, листая модный журнал. Я журналы не читаю, но картинки рассматривать люблю. Я мысленно с удовольствием примеряю наряды, и тут звонит телефон. Вставать невыносимо лень, но телефон настойчиво трезвонит и трезвонит.

– Кому я вдруг понадобилась с утра в выходной день? – я раздражаюсь, невольно смотрю на часы, – только пол десятого, а вдруг я еще сплю? Опять, небось, с каким-то соцопросом или рекламой, совсем обнаглели уже, и по выходным от них нет спасенья.

Телефон замолчал, кто-то не дождался.

– Ну и чудненько, – только и успела подумать, как телефон зазвонил снова. – Вряд ли это совпадение, когда два звонка подряд, да еще так долго держат трубку, видимо, все же кто-то из своих пытается дозвониться, зная, что я дома. Ну ладно, подойду, – я буквально соскребаю себя с дивана, за трубкой надо выйти в коридор. – И почему бы не класть ее рядом? – в очередной раз ругаюсь я на себя.

В коридоре меня встречает большое круглое зеркало в массивной раме. Под ним на тумбочке пищит специально установленной, противной и резкой мелодией телефон. Это сделано для того, чтобы его хотелось побыстрее выключить, а значит – подойти. Взглянув в отражение, я испугалась – плохо смытая с вечера субботы тушь растеклась, образовав темно-синий синяк под правым глазом.

– Красавица, – промелькнуло в голове, – вот сейчас бы поклонники на тебя полюбовались, ни бровей, ни ресниц, одно бледно-синее пятно. Надо оттереть, а то и самой страшно!

И чтобы оставить руки свободными, я зажимаю пиликающую трубку между левыми плечом и ухом.

– Але! Да! – невнятно бубню я.

– Привет, – бодро отвечает мне Ирина, моя младшая сестра.

– Привет, привет, как дела? – обрадовалась я, что хоть свои, значит, не зря вставала.

– Да все нормально. Слушай, а ты с матерью вчера не разговаривала? А то я что-то второй день не могу до нее дозвониться? – немного взволнованно, спрашивает она.

– Ну началось! – скисаю я тут же.

Как обычно, в последнее время от вопросов про мать у меня сразу портится настроение.

– Ира, ну ты же все знаешь! Ну чего спрашивать-то? – отвечаю я недовольно, уже понимая, что единственный выходной день, скорее всего, будет испорчен.

Мы только в пятницу вечером коротко созванивались, как раз по маминому поводу, я делилась неприятными результатами звонка. От воспоминаний на душе опять стало тяжело.

– Не-е, ну мало ли? – протягивает она.

– Ну чего «мало ли»? – переспрашиваю я более мягко. – С пятницы ничего не изменилось, – а в голове снова прокручивается пятничная ситуация.

В пятницу, по дороге со школы домой, моя дочь с провожающей ее до дома няней встретилась с нашей мамой на улице. Катя шагнула к бабушке навстречу и поздоровалась, а наша бабушка с гордо поднятой головой бравым шагом, глядя вперед, пронеслась, не притормозив, мимо внучки как мимо пустого места. Представить не могу, что моя дочь почувствовала, и как смутилась перед идущими рядом одноклассниками. Живут все рядом и знают ее бабушку. Посыпались неприятные вопросы. А что Катя может им объяснить?! Что бабушка перестала узнавать собственную восьмилетнюю внучку, обидевшись на дочь?

Татьяна – няня моей дочери, взрослая, казалось бы, девушка, бывшая одноклассница моей сестры, просто оторопела от маминого поступка. Она и так боится нашу маму «как огня». И если она приходит ко мне домой, то Таня, боясь скандалов, категорически отказывается находиться с ней в одной квартире, и просит меня подгадывать время так, чтобы они не пересекались. А тут такой фортель! Я предчувствовала, что скоро могу остаться без няни, что, к сожалению, и произошло. Кому понравится терпеть обзывания и стрессы?! А я, несмотря на подавленность этой ситуацией, считала, что в пятницу еще довольно хорошо все закончилось хотя бы потому, что мама не устроила прилюдно скандал на тему, что «няня нам дороже родной бабки», как она это умеет.

Катя опять пришла домой расстроенная. Объяснить и внушить ребенку, что не нужно принимать бабушкины поступки и слова на свой счет, что она не виновата, что это взрослые «с ума посходили», к сожалению, у меня не получалось, хотя я и пыталась.

– С пятницы, думаю, ничего не изменилось, мама жива-здоровая и ходит гулять. А вчера был твой день, я ей не звонила, я работала, так что у меня без новостей, – я окончательно расстроилась.

– Слушай, сходим к ней вместе? Посмотрим, что там у нее дома творится? – с ноткой давления спросила сестра.

– Да что там может быть?! Дозвонимся попозже. И так один выходной, – сделала я попытку отвертеться.

– Ну Лена, мы же договаривались! – продавливает сестра.

Договаривались-то, договаривались, только как подумаю об очередном скандале, у меня прямо живот сводит, так не хочется идти, но раз договаривались, то куда денешься.

– Во сколько? – сдаюсь я, понимая, что не могу отказать.

– Давай в час у подъезда? – сестра ожила, почувствовав опору.

– Давай. Ну все, тогда в час? – безысходно спросила я, одновременно прощаясь.

– Все, – попрощалась сестра.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С мамой мы жили рядом, на соседних улицах. Но на тот момент общались с трудом и я, и сестра. А так как дочерей у мамы две, то по договоренности звонила ей та дочь, которая на тот момент находилась в меньшей опале. Ссоры между мамой и нами происходили раз в неделю, это точно. На мамины выпады в наш адрес мы обычно старались или промолчать, или, звоня на следующий день, сделать вид, что просто ничего вчера не произошло. Иногда этот фокус нам удавался, мама принимала игру и разговаривала, и шутила, как ни в чем не бывало. Но причина для того, чтобы новая ссора началась или же старая вспыхнула с новой силой могла быть любая. И ее, эту причину, как ни старайся, просто невозможно предугадать. Мы с сестрой одно время созванивались перед тем, как набрать маме, и обсуждали, на что она обиделась в прошлый раз и как бы так ее спросить в этот, чтобы история не повторилась снова. Но нам почти никогда не удавались прогнозы. Началом скандала мог послужить не тот тон, в котором, как считала мама, я с ней поздоровалась, или не тот набор фраз, которыми я произнесла приветствие, не такой взгляд при встрече и... миллион других причин. Но итог ссоры всегда сводился к обвинениям в недостаточном проявлении с моей стороны почитания и обожания к ней, как к матери.

Мы старались звонить раз или два в день, чтобы поздороваться и спросить о ее самочувствии... и получали в ответ что-то из серии: «Сдохну, узнаете».

Позвонив маме где-то в одиннадцать часов утра, на вопрос «Мам, привет, как дела?» в трубке раздавалось:

– Да какие у меня дела, дела у вас, это ж вы заняты, а я-то чего? Гляди, вспомнила она про мать... дела... ты бы о здоровье сначала спросила... да ела я сегодня или нет? Уже одиннадцать!

И, распаляясь за пару минут, мама начинала сама себя оскорблять, говоря: «Да, мать же у вас идиотка, хуже матери в мире не найти, я – сволочь, а вы у меня святые...» и так далее, и тому подобное.

В первые годы мы терялись и делали попытки оправдаться:

– Мам, да я такого никогда не говорила, – старались донести до нее и я, и сестра.

Но она орала и не слушала нас.

– Не говорила, так подумала! Судят не по словам, а по делам, – обрезала наши попытки объясниться мама. – Не смей мной командовать! – кричала мама. – Мной никто никогда не командовал, даже мать, которой у меня не было, а ты рот разеваешь! Знай край, да не падай! Не всегда говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь! Яйца курицу не учат! Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, – сыпала она выражениями.

После этого мне или сестре задавался прямой вопрос:

– Кто здесь мать, я или ты?

Получив ответ, что, конечно же – она, мама резюмировала:

– Вот и закрой свой рот! (Или просто «заткнись»).

Мама – человек начитанный, любит вставлять в разговор цитаты, устоявшиеся выражения и в карман за словом не лезет. Во то время, когда происходят описываемые события, мы все уже с полгода жили отдельно, мама словно не могла с этим смириться, а нам это позволяло более-менее дозировать общение. В иной раз казалось, что чем спокойнее ты стараешься реагировать, тем больше это раздражает и выводит из себя нашу маму. В такие дни нас обвиняли в полном равнодушии, эмоциональной холодности и бедности, незрелости чувств и прочее. Порой, устав от бесконечного выяснения отношений, мы поступали по-другому, мы звонили ей, но молчали. Главным для нас являлось понимание того, что раз мама сняла трубку и бодро говорит «алло», то, значит, с ней все нормально. Все друзья-знакомые, знавшие нашу непро-

стую ситуацию в семье, тоже рассказывали нам, где и при каких обстоятельствах они ее видели. И так как гулять мама ходила строго два раза в день, то информации у нас хватало.

В последний раз причиной к началу серьезного конфликта послужил мой «не имеющий названия» поступок, а именно то, что я наняла дочери репетитора по английскому языку. Мама на это страшно обиделась. Она считала, что ее знаний английского вполне достаточно для занятий с внучкой, а у меня на этот счет имелось другое мнение. Ее знания самоучки и акцент, с которым она читала тексты, не имея опыта разговорной речи, не казались мне достаточными для преподавательской деятельности. Возмущенная наймом учительницы мама требовала от моей дочери сказать «этой крохоборке», одно из названий мамой репетитора, чтобы та не приходила, если «внучка, конечно, любит бабушку». Внучка, не осмеливаясь бабушке возражать, со слезами жаловалась мне, я разговаривала об этом с мамой, мы ссорились, и ситуация заходила в тупик.

– Твоя мать – упертая овца, – объявляла она моей дочке, – а ты идешь у нее на поводу. Ты-то хоть будь умней! – взывала она к ее детской совести.

Сейчас я бы сформулировала принцип маминой любви так: «Мама любит меня только тогда, когда я ей полностью подчиняюсь и безоговорочно соглашаюсь с ее мнением».

При этом никто и никак не ограничивал бабушку во встречах и занятиях с внучкой. Я ключи от своей квартиры у мамы не забирала и запретов не устанавливала. Конечно, я просила маму не обзывать меня при ребенке и делала неоднократные попытки объяснить ей свою позицию. В итоге выяснения отношений мама устроила грандиозную истерику и сказала, что у нее нет дочери, то есть меня. Находясь со мной в ссоре, она не считала нужным не то, что приходить к внучке, а даже позвонить ей, а в этот раз и узнавать отказалась.

Вот из-за этой ссоры теперь только сестра могла периодически заходить к маме домой, а мне Ира «докладывала обстановку». Сестра от нас обеих приносила маме то продукты, то оставляла немного денег, ту посильную помощь, которую мы могли ей тогда оказать. И хотя на тот момент нашей маме еще не исполнилось и пятидесяти лет, и она не страдала никакими хроническими заболеваниями, мы уже не первый год как ей помогали. Я же в то время растила дочь одна и без алиментов, у сестры тоже был маленький ребенок, и у нас обеих имелось по «букету» хронических болезней. Мама принимала от нас все как должное, слов благодарности мы не слышали, да и не ждали, честно говоря. Мы чувствовали счастье, если день проходил без скандала и обвинений в наш адрес.

В тот чудесный день сестра, не дозвонившись до мамы, откровенно боялась идти к ней одна, так как не хотела скандала, и позвонила мне. Но у меня ключей от маминой квартиры не было, а заходить одна я, вроде, как не имею права. И, поддерживая друг друга, мы и сговорились прийти вместе, так сказать, разделить бремя.

Сейчас мы снова в ссоре, и так как мама выбрала письменную тактику общения, я и пишу в ответ на ее претензии ко мне свою книгу.

Еще я пишу ее в надежде, что такие же несчастные дочери, как и я, прочтут ее, и им будет хоть немного легче, узнав, что они такие в этом мире не одни и что у них есть полное право чувствовать то, что они чувствуют. И, главное, сделают все, чтобы не перенести подобную модель поведения на собственных детей, ведь взгляды на мир, на людей, ценности, понятия закладываются в нас в детстве и потом во многом неосознанно переносятся нами и на наши семьи, создавая так называемые «родовые проклятия». Я надеюсь, вы увидите, как разнится восприятие ситуации через призму личностных проблем каждого человека. Как каждый усматривает что-то свое в словах и действиях другого и трактует их по-своему, а другой человек, возможно, совсем не то имел в виду. И все это, мягко говоря, недопонимание происходит между самыми, казалось бы, близкими людьми. Что тогда ожидать от посторонних?

АЛЕНКА НА ШОКОЛАДКЕ

Семидесятые годы прошлого века, моей маме скоро исполниться двадцать три. Дом, в котором живет мама, новый, только построенный, на новой окраине города. Вокруг еще не асфальтированные пыльные дороги. Сам дом длинный, из тринадцати подъездов и без арки, так что, если нужно попасть на другую сторону двора, дом надо обойти целиком, за это его прозвали «Китайская стена». Лето стояло очень жаркое, вокруг горели торфяники, все окутано дымом. А тут еще эта пыль от дорог и строек. И я неудачно родилась в конце июля, в самую жару, раньше срока где-то на месяц. Моей маме пришлось очень тяжело во время беременности, она много раз рассказывала мне об этом. Но я родилась, и, следовательно, нужно дать мне имя.

У каждого в семье есть воспоминания, про которые никто со стопроцентной достоверностью не может сказать, было ли это именно так или только близко к тексту, а, может, и вовсе не было. Вот и в нашей семье существует несколько таких.

Самым ранним воспоминанием, которое звучало так часто, что практически закрепилось в моем мозгу, как его собственное, стало воспоминание о выборе для меня имени.

Родилась я с розовой кожей, красавицей с пшеничными волосиками, длинными ресничками и огромными васильковыми глазами. Вокруг мамы в общей палате роддома лежали женщины исключительно с новорожденными мальчиками. По выходе из роддома меня планировалось записать Олей, но произошло первое из легендарных событий в нашей семье, связанное со мной.

Как это водится, в роддоме роженицы показывали друг другу деток и шутили на тему «у вас жених, у нас невеста». И вот я – невеста, и я одна на палату. Так в палате, а постепенно и на этаже, по маминым словам, установилось шуточное соперничество, чьей невестой я буду, когда вырасту. Шла борьба между качеством приданого и обещаний будущей сладкой жизни. Заходили полюбопытствовать и из соседних палат. Там у женщин родились девочки, но они не могли и сравниться со мной в красоте. И, конечно, не все мамочки относились с искренней радостью к моему превосходству, например, одна из женщин, с обычной невзрачной девочкой, опять же, как рассказывала моя мама, прямо говорила всем о том, что ничего хорошего в красоте нет, «натерпится еще девочка бед из-за нее». Для меня именно эта семейная легенда всегда звучала, как что-то похожее на раздачу подарков и проклятий феями новорожденной принцессе – мне, словно в сказке «О спящей красавице». И вот другая женщина – «добрая фея», мамина соседка по палате, восхищаясь моей красотой сказала:

– Надо же, такая хорошенькая девочка, прямо как Аленка на шоколадке!

Помните знаменитую в советское время шоколадку «Аленка» московской фабрики «Красный Октябрь» с милой девчушкой на картинке? Благодаря этому сходству я и стала называться Аленкой с шоколадки, что сулило мне, в глазах маминых соседок, счастливую и сладкую жизнь.

Но в жизни меня называли Лена, а не Алена. Просто потому, что это стало первой ошибкой моей мамы в выборе, который она делала за меня... и для меня. Она не настояла, и в ЗАГСе меня записали Еленой, считая, что Алена и Елена это одно и то же имя. И началась моя жизнь с третьим по счету от рождения именем – Елена. Сказочное число, не правда ли?

Жить мне предстояло в трехкомнатной малогабаритной квартире, в которой, помимо меня, уже жили: мама, папа, папина сестра, бабушка и дедушка, их собака, а потом к нам присоединилась и моя младшая сестра. В этой квартире постоянно кто-то ссорился, вернее, мама с кем-то, а именно: мама с бабушкой, мама с тетей, мама с папой и бабушкой... И очень быстро моя семья сузилась до мамы и сестры. И удивительным образом в этой трехкомнатной квартире родителей моего отца остались жить только мы втроем.

Как это точно произошло, я не знаю. Лишь в одном я уверена с самого моего рождения – это в том, что мою маму постоянно обижали, и ей приходилось очень тяжело одной растить нас с сестрой, а особенно тяжело досталась ей я.

По рассказам мамы, я родилась крайне беспокойным ребенком и кричала, не переставая, круглыми сутками. В первые месяцы мама практически не спала из-за моего плача. По выражению мамы, я выжала ее как лимон.

Я помню себя маленькой, помню некоторые ситуации и ощущения, но не помню детства. Не помню я этой, описываемой в книгах, беззаботности и легкости бытия, безоблачного счастья и ожидания светлого будущего, являющихся, как казалось бы, его обязательными атрибутами.

Я – МАЛЕНЬКАЯ ВЗРОСЛАЯ

Внешне я ребенок, как ребенок, вполне обычный, только сама себя я всегда считала взрослой, о чем прямо заявляла всем окружающим, мне кажется, сразу как научилась говорить. Мне казались непонятными и вызывали удивление сюсюканья. Знаете, эти умильные лица взрослых и их желание ущипнуть или шлепнуть ребенка со словами: «Ух ты какая хорошенькая, красотка, малышка...» и так далее. Все эти действия и слова по отношению к себе я считала неуместными.

И на все попытки такого со мной обращения я с серьезным лицом просила меня не трогать.

– Я не маленькая! – утверждала я. – Я – взрослая!

Это была моя так называемая коронная фраза, которая всех вокруг доводила до смеха. Но я не смеялась, и от этого взрослым людям становилось еще смешней. А я смотрела на смеющихся надо мной и недоуменно, с расстановкой, медленно повторяла:

– Я взро-сла-я!

Я вообще любила все обстоятельно разъяснить и пояснить, и ко всему, и всегда относилась серьезно.

Например, в садике, в который я пошла, когда мне не исполнилось и двух лет, а сестру мама отдала в ясли в десять месяцев, меня прозвали «Прокурор без аттестата» за умение четко и грамотно объяснить воспитательнице, что произошло в группе за период ее отсутствия. Мама поддерживала, как мне кажется, во мне эту взрослость тем, что она с раннего детства зачем-то сделала меня компаньоном и поверенной ее взрослых тайн и мыслей.

Как я себя помню, в целом, ребенок я положительный, что подтверждает и моя мама. Она сама мне неоднократно говорила, что мне можно было поручить все и быть уверенной, что я это сделаю, и сделаю хорошо. Со мной не требовалось заниматься, так как я сама училась и тянулась к знаниям.

Но за внешней обычностью, скрывалась одна особенность, которая меня выделяла из среды «среднестатистических детей» – я родилась ранимой фантазеркой. Излишне впечатлительной, как говорила моя мама; или другая мамина характеристика, объявляемая мне обычно в моменты опалы – «эмоционально распушенной».

Например, я не могла смотреть фильмы про войну, а они в то время во множестве показывались по телевидению, и попасть на такой фильм труда не составляло, достаточно включить телевизор. Я плакала. Особенно это раздражало маму, когда она садилась смотреть вечерние фильмы. Фильмы показывали каждый день после вечерних новостей в полдесятого, а мы с сестрой частенько пробирались из нашей комнаты в коридор и через приоткрытую дверь старались незаметно эти фильмы подглядывать. И вдруг я начинала рыдать, портя впечатления и отрывая маму от просмотра фильма. Мама ругалась.

В общем, я всех жалела и страдала от любой несправедливости, насилия и крика по отношению к себе и окружающим. Я не была тихоней или неженкой. Я росла активным и озорным ребенком, таким Робин Гудом в юбке, защитницей «обиженных и оскорбленных». Я любила активные или геройские игры, такие как казаки-разбойники, прятки, вышибалы, три мушкетера... И в этих играх я всегда предводительствовала. Я проживала эти игры, я спасала, руководила отрядами победителей, верховодя исключительно мальчишками. Домой я приходила грязная, даже в самый сухой день. Бабушки у подъезда всплескивали руками и сокрушались:

– Господи, где-грязь-то нашла? Ну как мальчишка!

– А я и хочу быть мальчишкой! – огрызалась я.

Я всегда заступалась за младших или детей, чем-то в моем понимании обделенных.

Этим, как я поняла уже во взрослом возрасте, активно пользовались мои друзья-приятели, выдвигая меня делегатом на решение различных проблем, как с учителями, так и со сверстниками. Стоило им только рассказать, как незаслуженно их обидели, и я рвалась на защиту. Ко мне подходили и просили пойти поговорить с учителем о несправедливой оценке или записи в дневнике, и я шла, и работала рупором гласности. Ведь моя мама именно такая, считала я, гордая, смелая, непокорная.

Например, когда в двенадцать лет меня положили в больницу, там уже находился глухонемой мальчик, и никто не хотел с ним дружить. Я помню, как грубо к нему обращались и дети, и медперсонал. Ему звали идти на какую-то процедуру, а он пугался и прятался под столом. Под столом, стоящим на карачках и мычащим, я его и увидела впервые. Я влезла к нему, села так же, как и он, и взяла его за руку. Мы мычали вместе, и постепенно он успокоился, и пошел со мной, куда требовалось. С того случая, пока я лежала в больнице, все проблемы с ним решались через меня. Мне странным образом казалось, что я его понимаю. Я читала ему книжки и рассказывала сказки.

Отдельной болью для меня становились негативные слова в адрес мамы. Кроме нее у нас никого не было. И переживала я безумно. В этой же больнице я услышала, как про маму сказали нелицеприятное о том, что она меня сдала в больницу, а сама почти не приходит, и я редела часа четыре, так что успокаивать меня пришлось всем отделением с привлечением врачей. Я не понимала почему, но я слышала подобные высказывания о маме довольно часто. Она не нравилась врачам, учителям, родителям одноклассников... Я не понимала, чем и за что, и страдала за маму.

Еще одна моя особенность то, что я любила рассказывать сказки, сколько себя помню. Рассказывая их, я как бы погружалась в тот мир целиком. Я рассказывала, не глядя со стороны, а участвовала в событиях. Мои герои оживали, нет, не так, для меня они были просто живыми. Попадала в сказку я легко, стоило немного сосредоточиться. Сначала все видишь не слишком отчетливо, напрягаешь и фокусируешь внимание, и сказочный мир постепенно становится все более ярким и живым. В тот же миг в моем мире появлялись феи, говорящие цветы, русалки, демоны, драконы... Я слышала их голоса, как каждого в отдельности, так и всех одновременно, и с легкостью отвечала им, не раскрывая рта.

Вероятно, что именно из-за столь богато развитой фантазии в возрасте от двух до шести лет время от времени я бродила по ночам, удивляя маму страшными историями, происходившими в моем мире ночью, как в реальности. Я могла, не просыпаясь, начать разговаривать с мамой. На входную дверь в квартиру повесили цепочку, как дополнительную защиту для того, чтобы если я встану ночью и открою замок, а дверь с внутренней стороны квартиры открывалась простым нажатием на ручку, я не могла бы распахнуть ее и выйти из квартиры, пока все спят.

Один такой случай остался в памяти моей семьи навсегда. Как-то ночью я проснулась, как мне показалось, от услышанной музыки. Мне стало интересно, и я пошла в большую комнату посмотреть, что происходит. Там играла музыка, крутил катушки магнитофон и танцевали... черти! Да, да, самые настоящие. Я пошла на кухню, где мама в это время готовила. Мама стояла к двери спиной, и когда я к ней обратилась, аж подпрыгнула от неожиданности.

– Фу, Ленка, опять бродишь? – сказала она. – Иди, ложись.

– Мам, а что там, в большой комнате? – спросила я.

– А что в большой комнате? Ничего, иди, спи тебе говорят!

– Мам... там черти танцуют. Зачем ты ихпустила?

– Какие черти? Господи, да что ж это такое? Лена, иди спать! – повторила мама, – мне готовить надо.

– Мама, там музыка и черти.

Мама раздражено отложила картошку, и сказала:

– Хорошо, пошли! Где там твои черти?

Мы пошли в комнату. Входим, и я спрашиваю:

– Видишь? Черти! Почему ты разрешила им здесь танцевать?

– Лена, – раздражалась мама, – в комнате никого нет, тебе показалось.

– Я их вижу, – я продолжила настаивать.

Тогда мама подошла к окну и одернула штору со словами:

– Лена, очнись, ночь на дворе! Какие танцы?

Кольца на шторах звякнули, и я проснулась. Я стояла в комнате с включенным светом, а за окном стояла ночь.

Но будучи такой фантазеркой, я почему-то никогда не играла в куклы, а именно в «дочки-матери». На эту игру мои фантазии не распространялись, я предпочитала фей.

Хочу пояснить, что с феями я общалась не постоянно, а только в то время, когда мне становилось скучно. Например, по дороге куда-нибудь или в очереди, или, когда в доме ругались. Когда же я научилась читать, книга стала моим постоянным спутником и заменила мне мои фантазии и во многом окружающий меня не слишком дружелюбный мир. Книгами я зачитывалась тоже до «полного погружения». Ко мне подходили, что-то спрашивали, и я даже отвечала на вопрос. Но потом ничего не помнила. Очень часто вот так, пока я читала, мама звала меня на обед или ужин, а я или не отзывалась, или отзывалась, но не шла. Мама решала эту проблему просто: меня оставляли голодной! Но я не жила замкнуто в своем мире.

В детстве я любила петь перед публикой. Пела я, не стесняясь, и везде, наверное, лет до шести, посреди полного автобуса или троллейбуса, в поликлинике... да где угодно. Так случилось и в тот раз. Мы с мамой ехали на автобусе «битком», заполненным людьми, и меня это вполне устраивало. Я встала на задней площадке, раздвинула руками взрослых и произнесла:

– Подальше, подальше чуть-чуть.

Люди смотрели на меня с удивлением, но отходили. Я набрала в грудь воздуха и запела:

– Расцветали яблони и груши...

Я пела «Катюшу», следующим номером шла песня «Один раз в год сады цветут»...

Остановить меня было нелегко, меня не смущал ни смех, ни вопросы, которые мне начинали задавать. Я твердо знала, что стану певицей, и щедро дарила свой талант людям.

– И в кого ты такая певучая? – спросила меня какая-то женщина.

– В себя! – ответила я гордо и добавила, – я буду певицей.

Люди похлопали. Мама сидела недалеко и не вмешивалась, так как реагировали люди, как и обычно, положительно. Спев две песни, я важно поклонилась и вернулась к маме.

Но певицей я не стала, а стала главным бухгалтером, как одна из моих бабушек.

БАБУШКА (И ДЕДУШКА)

Я рассказываю об этой бабушке первой, выбрав ее из всех моих родственников, потому что именно с ней связано мое второе семейное воспоминание.

Моя бабушка по папиной линии работала главным бухгалтером. И как я узнаю через много лет, период, в который я родилась, это горячая пора сдачи отчетности. Бабушка работала много и часто брала документы с работы домой. Так и в день, когда мама пришла из роддома, она оказалась очень занята. А маму, как любую женщину, оскорбляло недостаточное внимание бабушки к столь важному событию, и как мама мне с гордостью рассказывала, она вошла в комнату и положила меня прямо на бумаги перед свекровью, заявив:

– Посмотри, у тебя внучка родилась, а ты в бумагах зарылась! – и смело, свою смелость мама подчеркивала отдельно, посмотрела, какая будет у той реакция.

– Вот, Леночка, – вздохнув и разведя руками, как бы показывая масштаб проблемы, – сказала бабушка. – Никогда не становись главным бухгалтером!

– Представляешь, – возмущалась, рассказывая мне об этом моя мама, – бумажки для нее важнее рождения внучки!

Я думаю, наверное, бабушка была властной женщиной, учитывая ее профессию. И я понимаю, что надо обладать сильным характером, чтобы поступить так, как мама, а не проглотить обиду. Мама пошла на открытый конфликт. Но что мама ожидала от этого конфликта, мне не понятно. И зачем это рассказывать мне – совсем маленькому ребенку, всегда делая акцент в этой истории на равнодушие ближайших родственников к моему появлению. Из чего я твердо усвоила, что никому, кроме матери, в этом мире не нужна.

Бабушка, по словам мамы, виновата еще в том, что постоянно влезала в их с отцом жизнь. Ей не нравился выбор сына. Маму это возмущало, и она неоднократно рассказывала мне эпизод, обличавший бабушкино ужасное к ней отношение. Вот он. Мама, выйдя замуж, готовить не умела. И как-то, купив курицу с зашитыми в пакет и уложенными внутрь потрохами, так и сварила ее отцу. А папа съел и ничего ей не сказал, но вот свекровь, позволила себе сделать ей замечание и укорить за невнимательность. В финале этой истории звучал возмущенный мамин вопрос:

– По какому праву она лезет в нашу семью и настраивает мужа против меня? – и незамедлительно делался вывод: Два соловья на одной ветке не поют!

Я запомнила, что в мою будущую семью свекровь лезть с вопросами, о чем бы то ни было не имеет никакого права.

Как я рассказала, со временем мы остались жить в квартире вдвоем. После того, как это произошло, какое-то время бабушка приходила за мной в садик и брала меня к себе домой. Ах, как я ждала ее приходов. Меня угощали конфетами и всякими вкусностями, обнимали, целовали. Я помню это счастье. Но неизменно мои редкие встречи с бабушкой заканчивались скандалом между нею и мамой в моем присутствии, а меня потом мама сильно ругала. Она ставила меня перед собой, и начиналось внушение:

– Смотри мне в глаза, – требовала она от меня металлическим голосом, – уж если идешь к этой стерве, то возьми с собой и сестру! Поняла? Предательница! Что молчишь? Может, тебе вообще мать не нужна? Продалась за конфетки! В следующий раз, когда она за тобой придет, ты откажись и скажи, что без сестры никуда не пойдешь! Поняла? Обещай!

– Прости, мамочка, прости, я больше не буду, – плакала я и обещала.

Но когда бабушка приходила за мной, я замирала от ужаса и радости одновременно, пищала что-то про сестру, но бабушка отвечала, что пришла только за мной... и брала только меня. Мне тогда не исполнилось и пяти лет. Но постепенно я все же научилась выполнять требование мамы и отказывать ей, как это не было для меня тяжело. Я понимала мамину обиду

за сестру, и мне было больно, когда мама рассказывала о своих обидах на бабушку. Но и бабушкины сомнения относительно сестры сейчас для меня стали вполне понятны. В итоге мне все-таки пришлось сделать выбор между ними..., и бабушка перестала приходить.

Я твердо помню любовь ко мне бабушки, хотя мама это и отрицает, и как мне кажется, что даже помню, как она произносит фразу, ставшую третьей легендой нашей семьи:

– В нашей Леночке течет две капли «голубой крови»!

Я помню, что именно папина мама очень гордилась моей рассудительностью и недетской степенностью. И на вопросы посторонних, откуда у меня такие манеры и серьезность, я всегда отвечала с достоинством именно этой фразой и, непременно добавляя, что это слова бабушки. Я гордо вскидывала голову и, хвастая, выдавала:

– А моя бабушка говорит, что во мне течет две капли «голубой крови»!

Значения этой фразы я не знала, да и не задумывалась над ним, просто мне нравилось ее повторять.

Дедушку я не помню совсем. Только помню, что он был и встречал меня с улыбкой. Но по решению моей мамы из моей жизни совсем рано «ушли» любящие меня бабушка и дедушка.

Видела я их еще всего один раз, когда дедушка тяжело заболел. В то время бабушка позвонила маме и попросила привести нас повидаться с ними перед смертью. Я уже училась в девятом классе, сестра – в седьмом. Мама объявила свое решение и строго-настрого приказала, ничего у них не брать и отвечать, что у нас всего в достатке. Мы приехали, дверь открыла полная темноволосая женщина – наша бабушка. Подошли к дедушке, он лежал в кровати, поздоровались, сели за стол, коротко пообщались о планах на будущее и... ушли, отказавшись от предложенных денег и угощения. Тогда меня потрясло, что не виделись мы уже больше десяти лет, а оказалось, что бабушка с дедушкой жили в том же микрорайоне, что и мы. И я силилась, но не могла понять, почему же они с нами не общались. Мы же выросли. Они вполне могли бы сделать попытку наладить с нами контакт напрямую, не дожидаясь смертного часа. От всех этих мыслей мне становилось очень больно.

Мама сочла наш поход триумфальным.

– Мы утерли им нос! Думали, я загнусь одна, а «фиг» им! Вон вы у меня какие! Умницы да красавицы выросли! – с удовольствием повторяла она всю дорогу.

Нам с сестрой было радостно за маму, но одновременно очень грустно. Я допускаю, что мы с сестрой многого не знаем про родителей отца, но все равно жаль, что этой любящей меня бабушки почти не было в моей жизни.

На этом семейные легенды закончились, их у меня всего три, как «три желания» в любой сказке. И теперь я расскажу о втором, после мамы, главном человеке в моей детской жизни – о моей любимой сестре.

МЛАДШАЯ СЕСТРА – МОЙ ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК

Сестра не была желанным ребенком. Она родилась по воле случая.

О сестре мама рассказывала, что в противовес мне она родилась сине-красного цвета, так как появилась семимесячной, без волос, ресниц и черная, как цыганка. На момент ее рождения мама уже находилась в стадии развода с отцом. Поэтому, видимо, сестру и не признали его родственники. Никто не понимал, зачем, а самое главное – от кого мама ее родила. До самых родов, по рассказам мамы, у нее якобы и живота видно не было, и она сама узнала, что беременна, только тогда, когда сестра зашевелилась. Делать аборт на тот момент оказалось уже поздно.

Из этой истории я узнала, что дети могут рождаться нежеланными и сделала выводы, что мне очень повезло, что я вообще родилась. Мама рассказывала об аборте обыденно, как о простом и доступном решении проблемы, главное – успеть вовремя. И все эти сведения мне стали известны от мамы в раннем дошкольном возрасте.

Сестра подрастала жизнерадостным, всем и всему улыбающимся ребенком, в отличие от меня. Сестре повезло, ей не досталось слышать скандалы с самого ее рождения. Из гадкого утенка всего за пару месяцев она превратилась в чудесную кудрявую, глазастую, кареглазую девчушку с ямочками на щеках и не сходящей с лица улыбкой; казалось, что она никогда ни о чем не переживала. Все ее любили, ну, кроме родственников со стороны отца.

Сестра, в отличие от меня, как многие девочки имела гибкий уступчивый характер, играла в девчачьи игры, любила кукол.

Ее появление в нашем доме далось мне нелегко.

Сестра, как все грудные дети, плакала, а мама не бежала ее укачивать, являясь сторонницей методики «неприучивания» детей к рукам, да и, оставшись одна с двумя маленькими детьми, не имела на это возможности. И вот как-то сестра надрыдается и надрыдается, лежа в коляске, которая стоит в большой комнате за закрытой дверью, мама не реагирует, она готовит на кухне. Мне очень стыдно, меня мучает совесть, несмотря на малый возраст, мне чуть более двух лет, я понимаю, что то, что собираюсь сделать, нехорошо. Но у меня болит голова. Я потихоньку подхожу к двери, из-за которой плачет сестра, в руках у меня лопатка для песочницы на длинной ручке, захожу в комнату и встаю около коляски. Сестра продолжает кричать. Я смотрю на нее, не решаясь осуществить задуманное и мучаясь угрызениями совести, их я отчетливо помню до сих пор. В следующее мгновение я уже медленно поднимаю детскую лопатку, я хочу прекратить этот невыносимый крик... и тут заходит мама, она услышала, что звук плача изменился, и пошла посмотреть, что происходит. А там стою я с поднятой лопаткой.

– Что ты делаешь? – удивленно спросила она.

– Ну зачем ты мне ее купила? Ну что она все орет да орет? – прокричала я, выбегая из комнаты, и заплакала громко и горько от стыда и головной боли.

Мама меня не ругала, но и какого-то утешения мне не предложила, я просто наплакалась вдоволь и все. Потом мама часто и весело рассказывала эту историю, вводя меня в жуткое стеснение и взращивая тем самым во мне чувство вины за свой некрасивый поступок.

Второй случай своей детской ревности я тоже помню отчетливо. Сестру часто забирали в больницу. В одну из ночей Ирина опять заболела, мама взяла ее к себе в кровать. Я проснулась и тоже попросилась к ней. Потом, сквозь сон, я помню врачей, приехавших забирать сестру. А утром, отлично видя, что сестры нет, я все равно спросила у мамы:

– А где Ира?

– В больнице, а ты разве не помнишь? – переспросила она.

Я помнила, но произнесла:

– Вот и хорошо! – сказала я. – Теперь ты меня одну любить будешь!

– Как же тебе не стыдно, – совестила меня мама, – это ведь твоя сестра?

Я чувствовала стыд, но очень-очень хотела услышать, что мама любит и меня, именно меня. Но услышала только то, что я обязана любить сестру. Сестра и так младшая, а младшим априори достается больше внимания, так еще и на тот момент сестра обладала более слабым здоровьем, что опять же отвлекало на нее мамино внимание и любовь с удвоенной силой, и я чувствовала себя совсем одинокой, ведь я всего лишь маленькая «взрослая» девочка.

Как многие дети мы с сестрой очень любили сидеть у мамы на коленках. И каждый раз эти посиделки начинались толкотней и криками:

– Моя мама!

– Нет, моя мама!

На что мама строго отвечала:

– Я – общая!

И просила нас это повторить, иначе не видать нам коленок. Мы надувались как мышь на крупу, но приходилось вслух соглашаться с тем, что мама общая.

Если мы с сестрой ссорились, мама стыдила нас, говоря, что мы самые близкие люди на земле, а обижаем друг друга, всегда настаивая, чтобы уступила я, как старшая и более умная. Деваться некуда, и мы мирились.

У меня в памяти осталось еще несколько событий, но как я писала выше, почему именно эти события врезались в мою память, я не знаю. Просто постараюсь их описать.

Мы с сестрой страдали произвольными кровотечениями, вследствие чего у нас держался низкий уровень гемоглобина. А у сестры – особенно низкий, и его, этот уровень, нужно как-то поднимать. Не знаю где и на какие средства, но мама купила баночку черной икры, хотя денег в то время у нас в семье совсем не было, и мы поехали в больницу кормить икрой болеющую сестру. Я помню, как мы взяли сестренку из палаты в больничный коридор, и мама, уговаривая и упрашивая, пыталась с ложечки сестру этой икрой накормить. Но сестра не поддавалась на уговоры и всячески уворачивалась, говоря, что икра и черная, и страшная. Она плевалась и била маме по рукам. Но мама терпеливо уговаривала и уговаривала ее. Я понимаю, что это детские обиды, но я не помню ни одного раза, чтобы уговаривали меня, я ведь «взрослая».

В мои обязанности всегда входил присмотр за сестрой, и я несла за нее ответственность перед мамой. С шести лет я забирала сестру из садика, кормила и гуляла с ней. Сестренка почти с самого своего рождения стала главным слушателем моих сказок, которые я рассказывала самозабвенно. Уговаривать меня не требовалось, времени мы вдвоем проводили много, и я ей рассказала их, наверное, не одну сотню.

Дальше я хочу рассказать еще два случая наших недоразумений с сестрой по странному стечению обстоятельств, связанных с детскими горками. Запомнились они мне именно из-за того, что я не получила, как мне казалось, стопроцентной ожидаемой поддержки от мамы. Вот первый из них. Когда я училась в первом классе школы, мы вдвоем вышли гулять на детскую площадку позади дома. Там стояла детская горка. Сестре примерно около пяти лет. Она захотела покататься. Но одежда оказалась какой-то несколькокой. Сестренка съезжала с горки очень медленно, а две девочки постарше тоже решили покататься, и их такая медлительность раздражала. Они стали подталкивать сестренку с горки вперед и обзывать, приговаривая:

– Давай быстрее, толстуха!

– Не смейте трогать мою сестру, – ни секунды не задумываясь, закричала я.

И воинственно шагнула вперед.

– Она что у тебя бешеная? – спросили девочки, насмехаясь.

– Да, она всегда за меня заступается, хотя я ее об этом не прошу, – добродушно улыбаясь, отвечала сестра.

Ира начала с «врагами» весело о чем-то болтать. Не обращая на меня никакого внимания. Я стояла растерянная. Сестра обернулась и ясно сказала, что она не просила за нее заступаться.

Я воспринимала ее поведение как предательство. Придя домой, я рассказывала маме об этом предательстве с плачем, ожидая, что она меня поддержит, а сестру хотя бы пожурит. Но мама ей ничего не сказала, а мне только и посоветовала не принимать все так близко к сердцу. Она не попыталась объяснить, что есть и другие методы решения конфликтов, не поддержала меня в стремлении к защите сестры. А ведь именно мама призывала меня защищать сестру всегда и во всем. И я старалась и защищала, как умела, но опять не заслужила похвалы и поддержки. Я очень переживала, и это не делало нас сестрой ближе друг другу, как хотела наша мама.

В другой раз, уже будучи старше, в возрасте десяти и восьми лет, мы также гуляли во дворе. Сестра залезла на самый верх горки и встала на перила, балансируя в воздухе руками.

Я стояла внизу и умоляла ее слезть:

– Ирина, перестань, разобьешься, – сестра в ответ демонстративно качнулась. – Да что ты делаешь? По жопе давно не получала? – испуганно кричала я.

– По жопе?! Меня мама по жопе не бьет, а ты по жопе! Ага, сейчас, держи карман шире. А что тебе будет, если я упаду? – весело интересовалась она.

Вдруг сзади подходит мама и спрашивает:

– Леночка, что ты кричишь на весь двор? Тебя за километр слышно!

– Мама! Ну хоть ты ей скажи! – обрадовалась я подмоге и подумала, – ага, сейчас этой засранке зададут!

– А что такое? – улыбнулась мама.

– Да она собралась прыгать! – возмущенно и, все еще ожидая немедленной поддержки, поясняю я, как мне кажется, очевидное.

– Да и пусть, – невозмутимо произнесла мама и с ноткой удивления добавила, – ты-то чего так переживаешь? Она хочет, так пусть она и прыгает!

Я оторопела и произнесла:

– Да? Но ругать-то ты меня будешь!

На что она пожала плечами и с той же улыбкой констатировала:

– Так ты же старшая – с тебя и спрос. И пошла, оставив нас самих разбираться с этой ситуацией.

И все. Спрос с меня. Я – старшая! Точка.

Сестра слезла с горки с видом победителя, говоря мне что-то вроде «Ну что съела?», а я не знала, что и думать.

Раз я старшая, я также считала нормальным следующий вопрос и угрозу мамы в свой адрес:

– Почему у тебя «отлично» по фортепиано, а у сестры «три»? Если так пойдет, вы обе перестанете ходить на занятия.

И я часами занималась с сестрой фортепиано.

Мама всегда говорила, что любит нас обеих одинаково, но поступала с нами по-разному. В любых спорах с сестрой виновной назначалась я, как старшая, и, следовательно, более умная. Если сестра приносила «двойку», она мило улыбалась, и ей это запросто сходило с рук, меня же всегда ждал суровый отчет и наказание за гораздо меньшие провинности, например, в виде лишения прогулки или просмотра телевизора. «Кому больше дано, с того больше и спросится» – это любимая фраза мамы по отношению ко мне. Я завидовала беззаботности сестры, но не могла или просто не умела поступать, как она. Сейчас я понимаю, что, я имела более замкнутый, чем у сестры, характер, и маме возможно со мной было сложнее, чем с сестрой. Мама никогда не объясняла нам сложность и многогранность мира и взаимоотношений в нем, а ставила меня перед фактом, что «ты – старшая» или «все мужики – козлы», и возлагала на меня ответственность за все недоразумения с сестрой. Мир для меня делился мамой только на черное и белое! Возможно, корни такого отношения ко мне идут из ее собственного слож-

ного детства. И я расскажу по ходу книги, что мне об этом известно. Но почему горечь за свои обиды и неудачи мама перекладывала на меня – маленького ребенка? Я никак не могу понять.

По мере того, как мы подрастали, соответственно сфера моей ответственности за сестру становилась все шире и шире.

В тринадцать-пятнадцать лет я бродила в поиске сестры по району, выглядывая, не попала ли она в какую-то неприятность. Район был небезопасным, подбирались «бандитские девчонки». Сестра легко находила общий язык абсолютно со всеми, добродушная и открытая, красавица, и поклонников в ее активе числилось «море». Поклонники сражались за благосклонность сестры и устраивали «разборки» как между собой, так и с сестрой. Однажды сестре все-таки досталось. Один из ревнивцев ударил сестру, да так сильно, что она упала в снег, задохнувшись, и потом долгое время мучилась от болей в груди. Некоторое время она даже боялась выходить на улицу, чтобы ревнивец не «подрезал» ее, как грозился. Мама об этом не узнала, я и сестра урегулировали эту проблему сами.

В другой раз я возвращалась домой, зашла в наш подъезд и краем глаза увидела, что двое подростков шарахнулись в разные стороны.

– Вот молодняк! – думаю я, не глядя в их сторону.

Не останавливаясь, я прошла мимо, вызвала лифт и поехала домой. Не успела я войти в квартиру, как вбегает запыхавшаяся сестра. Оказалось, что пока я поднималась на лифте, она бежала за мной по лестнице. Вбегает и кричит мне с порога:

– Лена, это совсем не то, что ты подумала, мы ничего такого, просто болтали...

– Да? – потянула я, осмысливая. – И кто это? Очередной «двоюродный» или «троюродный» брат (так сестра, чтобы умерить ревность кавалеров, объясняла им присутствие рядом с ней посторонних парней)?

Вида я тогда не подавала, что не поняла и не видела, что это она стояла в подъезде.

– Этот – «троюродный», – с улыбкой ответила Ирина.

– Дождешься ты, Иринка, что эти братья тебе ноги из попы повыдергивают.

– Да ладно тебе, я аккуратно, – щебетала она.

Я провела с сестрой очередную нравоучительную беседу о «правилах поведения девушки», сестра сделала вид, что слушает, дала положенные в данном случае обещания и заверения, и инцидент был исчерпан... и снова без участия мамы.

Потом, как мне помнится, в восьмом классе мама не заметила, что в пять часов вечера, придя домой, сестра быстро прошмыгнула в большую комнату и прямо в одежде завалилась спать. Я заметила. Я находилась в маленькой комнате, а мама на кухне. И мне показалось странным поведение сестры. Я вошла и стянула с нее одеяло, от нее пахло алкоголем. Я устроила ей серьезную промывку мозгов, а маме мы снова ничего говорить не стали под обещание, что это случилось в первый и последний раз. Они праздновали чей-то день рождения, и попробовали «по глотку шампанского». Ничего страшного и особенного, но я почему-то считала, в отличие от мамы, что беседу провести просто необходимо.

И вот сестра выросла и результатом моей опеки стало то, что в семнадцать лет она мне с сердцем объявила:

– Какая же ты, Ленка, стерва была! Я матери так никогда не боялась, как тебя! Как же ты меня доставала!

А я просто ее очень любила и люблю!

Мы выросли и стали очень близкими подругами. Сестра отучилась в институте и работает в престижной компании, она прекрасная мать и жена, я горжусь ею.

Мы часто обсуждаем с ней вопрос того, как мы получились такими разными и одновременно одинаковыми. Мы всегда видели, что сестра абсолютно не похожа на маму внешне, да и я не особо. И нам обоим с раннего детства было интересно хотя бы на фото посмотреть на отца и на родственников с его стороны. Еще маленькими мы в тайне от мамы рылись в ящике шкафа,

в котором лежали документы. Но узнать нам почти ничего не удалось, так как мама разорвала все связи не только в жизни, но и на фото, в том числе она отрезала отца со всех совместных фотографий. Мы знали об отце только то, что нам о нем рассказывала мама. Моих личных детских воспоминаний у меня совсем немного, и все они «прошли» через призму маминого мнения.

Разыскивая фото отца, мы нашли свидетельство о первом мамином разводе, и узнали главную семейную тайну. Оказалось, что мамин брак с отцом не первый, она уже была замужем. Первый раз она вышла замуж сразу, как ей исполнилось восемнадцать лет. Я не удержалась от распиравшего меня любопытства и, признавшись в нашем поступке, спросила маму об этом. В ответ про мамин первый брак я ничего не узнала, а узнала, что вполне возможно где-то живет наш старший брат. Свою неуверенность в данном факте мама объясняла тем, что акушерка и ее мама утверждали, что ребенок родился и сразу же умер. Но сама мама не была в этом так уверена, и обвиняла в произошедшем свою мать, говоря, что подозревает, что это она лишила ее сына, тем самым избавив маму от бремени столь раннего материнства. В выписке из роддома, по маминым словам, написали криминальный аборт, хотя мама именно рожала. Поэтому, став старше, она и заподозрила, что ребенка отдали женщине, которая лежала в роддоме рядом с ней и мечтала иметь детей, но ей это не удавалось, так как раз за разом у нее появлялись на свет мертворожденные дети. Этот факт оставил неизгладимые впечатления на моей детской психике. Что там произошло на самом деле, я так и не знаю до сих пор. Во взрослом возрасте мама почему-то предпочитает не обсуждать со мной эту тему. А тогда мама охотно поделилась со мной – ученицей младшей школы своим горем, взяв с меня обещание не рассказывать сестре. Вот такие грустные подробности открылись нам с сестрой совсем в юном возрасте в результате нашего расследования и выяснения, на кого мы похожи. Об отце я расскажу далее.

ОТЕЦ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

– Отца у вас нет! – нам говорилось об этом твердо и непреклонно, да и отец, по-видимому, не старался это оспорить.

С самого раннего детства я знала одно, отец – козел и алкаш, который бросил маму с двумя детьми. Не платил алиментов, ничем и никак не помогал.

Став постарше, мы спрашивали маму, а зачем она вышла замуж за алкаша, да еще и двоих детей от него родила? Мама объясняла, что отец не был алкашом изначально, а запил из-за того, что как слабак не смог выбрать между ней и мамочкой, то есть моей бабушкой. Так с самого раннего детства я усвоила, что этот выбор в семье просто необходим.

Все, что я знала о моих взаимоотношениях с отцом, это то, как он пришел домой пьяный и завалился на меня спать, чуть не раздавив. Спасла меня мама, иначе, по ее словам, меня давно бы не было на свете. Никаких других историй, например, о том, как родители встречались, как папа ухаживал, как меня ждали, как что-то для меня выбирали, как планировали мою или свою дальнейшую жизнь... я, к сожалению, никогда не слышала. Знала я только одно, что изначально ждали мальчика, а родилась девочка, не оправдав семейные надежды.

Еще я знала, что мама, выйдя замуж за отца, сделала ему великое одолжение. Он бегал за ней как собачка, это ее выражение. А она, гордая красавица, просто пожалела его, когда он приехал весь высохший от страданий и умолял ее, стоя перед ней на коленях, выйти за него замуж. И именно благодаря этому ее самоотверженному поступку – замужеству мы родились в крупном городе, а не где-то там, в Тьмутаракани, о чем нам также сообщалось неоднократно. Тем самым мама не скрывала, что и я не желанный ребенок, а родилась только благодаря обстоятельствам. Как вы понимаете этот факт также не делал меня счастливей.

Плюс ко всем моим переживаниям у нас с мамой были разные фамилии, вследствие этого в регистратуре поликлиники или в любом другом месте, где оформлялись какие-либо документы, маму всегда спрашивали, отчего бы это и кем она нам приходится. Ведь такая ситуация являлась крайне нетипичной для того времени. Но мама всегда гордо отвечала, что она развелась и сменила фамилию обратно на девичью, ведь зачем ей фамилия «козла», который ее бросил, а мы, страшно стесняясь, отвечали, что у нас фамилия папы, признавая, что мы дети этого «козла» – козлята.

Любые несанкционированные разговоры об отце в нашем доме были табу. Как я писала выше, своих детских впечатлений от встреч с отцом у меня не много, а точнее их всего три, при этом я помню сами эти встречи достаточно подробно, но почему-то не помню внешности ни отца, ни других родственников участников событий, их лица у меня в виде расплывчатых пятен. Хотя, например, достаточно хорошо помню внешность маминих подруг.

Первая встреча произошла в теплый летний день во время прогулки с сестрой во дворе дома. В школу мы еще не ходили, следовательно, мой возраст около семи лет. Гуляли мы прямо перед подъездом, там же сидели местные бабушки и завсегдатаи. Вдруг к подъезду подходит какая-то женщина и с ней мужчина. Все взрослые друг с другом здороваются. Я смотрю на подошедших людей и что-то знакомое мне видится в их лицах, я жду подтверждения нашего знакомства. Но мне ни женщина, ни мужчина ничего не говорят, а, не глядя в нашу с сестрой сторону, проходят мимо. Как только за ними закрывается дверь в подъезд, я слышу громкий шепот:

– Надо же, с девчонками-то даже не поздоровались.

Меня охватывает чувство униженности, я хватаю сестру за руку и с деланной радостью предлагаю:

– Бежим играть на площадку! – а сама втихаря плачу, плачу от обиды.

Придя домой, я рассказала о случившемся маме. На что мама дала мне холодный ответ, мол и нечего разговаривать с чужими людьми; правильно сделала, что увела сестру. Все, никаких объяснений, уверений, что в этом нет моей вины, что я достойна любви или других подобных утешающих слов, призванных восстановить душевное равновесие ребенка.

Второй яркий случай встречи с отцом я помню так. Мы качаемся на качелях во дворе, навстречу к нам идет какой-то мужчина.

– Здравствуйте, девочки, я – ваш папа, – подойдя, говорит он и протягивает нам по яблоку.

– У нас нет папы, – ответила я хорошо усвоенной фразой.

Он постоял с минуту, помялся, сделал попытку погладить меня по голове, я взбрыкнула, стряхивая его руку, и он ушел. Яблоки выглядели аппетитно, и их очень хотелось съесть, но я не стала.

– Не смей кусать! – вырвала я яблоко и у сестры.

– Лена, ты чего? – спросила она.

– Ты что, не знаешь, что у чужих людей ничего брать нельзя? – грозно спросила я.

– Так он же сказал, что наш папа?! – удивилась сестра.

– У нас нет папы! – твердо отчеканила я.

После прогулки я все доложила маме, и отдала ей так и несъеденные яблоки, за что она меня похвалила:

– Правильно, папы у вас нет, – взяла яблоки и без жалости выкинула их в окно, хотя своих яблок в доме не было.

– Нам их подачи не нужны, – безгласно добавила мама и, вопросительно-утвердительно обращаясь ко мне, уточнила: – Да?!

– Да, – согласилась я покорно.

Есть еще одна – третья история, благодаря которой я видела отца, но не разговаривала с ним.

Произошла она также в старшем дошкольном возрасте, когда я чуть не стала виновницей пожара. Как это произошло? Самым обычным образом. Я сидела дома одна, по-моему, я болела, скучала, а на улице стояло теплое время года. Я знала, что спички детям не игрушка, но взяла коробок, подошла к окну на кухне, перегнулась через него и стала с удовольствием от запретности этого действия поджигать спичку за спичкой. Спичка сгорала, и я аккуратно прятала ее обратно в коробок. И вот так я сожгла спичек десять. Получив удовольствие от смелого поступка, я пошла гулять. А когда вернулась, то в доме находилось много чужих людей, мама, милиция и пожарные.

Кухня обгорела. Пожарные стали меня опрашивать, что я делала дома. Я рассказала про спички, и пожарные первоначально решили, что это от моей спички отлетел уголек и устроил пожар. Я, плача, уверяла, что все спички целиком со всеми угольками лежат в коробке, и предъявила этот коробок в целости и сохранности. Кто-то из соседей сказал маме, что вроде бы, пока я гуляла, в квартиру приходил отец с какой-то женщиной. Мама сказала милиционеру, что она не сомневается, что это поджег, и устроили его ее бывшие родственники, так как делят с ней и ее двумя детьми эту квартиру. Отцу позвонили, и он, как мне помнится, тут же пришел. Они с мамой долго ругались сначала при всех, а потом одни на кухне. Через некоторое время, когда пришли результаты экспертизы, выяснилось, что очагом пожара признана стоящая на кухне стиральная машина, пожар начался именно с нее. Она стояла выключенная, но вилка провода оставалась воткнутой в розетку и, скорее всего, произошло замыкание, так как у машинки сгорел именно мотор. Да и гореть там, кроме пластика и железного барабана, больше нечему. Но в маминой версии, в зависимости от слушателей и ситуации, виновниками этого пожара так и остались либо я, либо отец.

Встреч с отцом в детстве больше не было или я их попросту не помню. Следующий раз я увидела отца на несколько секунд, в свои неполные семнадцать лет. Отец приехал, созво- нившись по городскому телефону с сестрой, он хотел с нами поговорить. Мама отсутствовала, она уехала на пару дней пожить к отчиму, и мы с сестрой жили одни. В дверь позвонили, я спросила кто:

– Отец, – ответили мне.

Я открыла дверь, впустила его, а сама сразу же вышла, не забыв громко отметить, что у меня отца нет. Я не желала с ним разговаривать. Я до сих пор не знаю, о чем велась беседа. Меня это не интересует.

В этом же возрасте, уже после приезда отца к нам, я задала вопрос про него моей крест- ной, а маминой лучшей подруге. Я спросила, знала ли она его, и был ли он алкоголиком. Крест- ная сказала, что изначально отец таковым не являлся, и дала ему характеристику весельчака и души компании, симпатичного парня, любимца девушек.

Уже ближе к моим сорока годам, я встретила с отцом и даже поговорила с ним. Встреча произошла только из-за моего желания эмигрировать в Израиль, как страну с качественной медициной. Такое решение мы с мужем приняли из-за болезни сына. А раз я еврейка, то куда еще ехать? А после маминого письма я и считала себя еврейкой и, как ни странно, многие знакомые считали меня таковой, делая какие-то собственные выводы, что во мне также под- держивало эту уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.